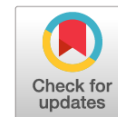


Некоторые возможности и критерии установления новизны в современных юридических исследованиях



Попов Е.А.,
доктор философских наук,
профессор кафедры истории и философии
Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел РФ
E-mail: popov.eug@yandex.ru

***Аннотация.** Статья раскрывает возможности установления новизны в правовых исследованиях. Акцент делается на методологической специфике развития современной юриспруденции, которая может существенно повысить новизну результатов конкретного исследования. Указываются сложности и противоречия, возникающие у ученых в процессе получения нового знания.*

***Ключевые слова:** наука, юриспруденция, исследователь, новизна исследования, отрасли науки, социогуманитарное знание, правовые исследования, методология науки.*

Современная социогуманитарная наука развивается таким образом, что постоянно нуждается в обосновании новизны, подтверждении результатов исследований на уровне практического применения, междисциплинарной рефлексии или востребованности полученного знания в экономике и на производстве. Очевидно, что приращение нового знания именно в социогуманитарном знании все чаще требует усилий от исследователя в отстаивании и продвижении своего открытия или научной идеи, но в то же время нередко такое знание проигрывает отсутствием новизны. Конечно, это вовсе не обозначает, что труд оказался напрасным или что ученый не смог установить место знания в мировом процессе развития науки, однако сомнения в новизне делают исследование уязвимым и нуждающимся в серьезной переработке или дополнении. Тот факт, что в «гуманитаристике» веское и главное — новое слово сказать все сложнее и сложнее, вынуждает исследователей идти на компромиссы и искать сочетания наук, апеллировать к естественнонаучному знанию, иногда придумывать даже новые научные дисциплины или отрасли знаний, разрабатывать системы категорий и способов исследований и т.д. Получается, что сказать что-то новое в науке — это лишь часть сложного пути в научной деятельности, важным является технология продвижения такого знания, его институционализация, рационализация и в конечном итоге получение поддержки со стороны научного сообщества, признание ценности результата. В этом случае речь уже идет о научном тренде или бренде. Сегодня именно эти понятия стали едва ли не ключевыми в определении качества и ценности так называемого научного продукта. В каком тренде работает исследователь и какой бренд он защищает — это, пожалуй, два главных вопроса, которые возникают в научном труде и ответы на которые позволяют с высокой степенью вероятности определить качество полученного результата.

Однако в науке, конечно, не только польза и выгода решают все, важное значение приобретает новизна, которая обеспечивает динамику знания, его востребованность у других исследователей и в других научных дисциплинах, а также в последующее время, способное подтвердить проверку знания на прочность или придать его забвению. Новизна между тем — это понятие широкое, призванное отразить весь ход научного искания, приведшего исследователя к такому выводу, который должен обеспечить заметное приращение знания. Несмотря на то что новизна — это и необходимый атрибут науки, чаще всего сложности возникают именно в определении этого статуса полученного знания: является ли оно новым и образует ли прирост науки? Разумеется, новизна в каждой конкретной научной дисциплине имеет свою выраженную специфику, определяется многими обстоятельствами, но почти всегда сформулировать и, по сути, дать непредвзятую характеристику полученному результату с этой точки зрения всегда сопряжено с трудностями, поскольку любой исследователь изначально признает или готов признать свой труд новым, самостоятельным, способным повлиять на прирост знания.

Вопрос о критериях научной новизны в юридической науке, как, впрочем, и в любой другой, вовсе не праздный. Его актуализация связана с увеличением потока информации и знаний, масштаба социогуманитарной науки в целом, амбициями частного исследователя или научного коллектива. Иногда новизна может камуфлироваться под авторитет научной школы или, скажем, массовое производство и перепроизводство тематических исследований в рамках научных грантов, которые возобновляются из года в год. К примеру, неизбывный интерес к проблемам старения общества, решению демографических задач, вопросов миграции населения и т.д., подкрепленный многолетними грантами и зачастую

поддерживаемый государственным заказом в науке, конечно же, изначально «заострен» на новизну. Иными словами, от исследований ожидается серьезный прорыв и осязаемый вклад в экономику страны. Что касается юридической науки, то ее новизна в основном концентрируется в русле целенаправленной работы с нормами, их производством, уточнением, спецификацией и т.д. Можно, по-видимому, утверждать, что нормативная методология в юриспруденции остается на первых ролях и составляет ядро научной деятельности.

Между тем вопрос о критериях новизны для юридической науки продолжает быть актуальным, и не обращать внимания на сложности, возникающие в методологическом обеспечении данной отрасли, было бы в корне не верным. С позиции самих юристов эти критерии могут одними, а методологам науки они видятся в ином ключе. Однако для конструктивной работы все же сторонам необходимо договориться об общих принципах определения научной новизны. Что может быть положено в основание такой договоренности — преодоление устойчивого нормативистского подхода, расширение объектно-предметного пространства юриспруденции, установление прочных междисциплинарных связей с другими дисциплинами или что-либо иное — все эти обстоятельства требуют к себе внимания и должной оценки. Но в любом случае рассчитывать на то, что набор таких критериев новизны будет исчерпывающим или универсальным, вряд ли приходится, а поэтому и основания для их определения могут быть очень разнообразными.

Прикладную ориентацию знания следует рассматривать как один из критериев новизны в юридической науке. Не вдаваясь в тонкости дискуссии о преимуществах и недостатках выраженной теоретической или эмпирической «специализации» современных наук и знаний, тем не менее отметим тот факт, что прикладные отрасли имеют более высокую степень получения в итоге нового знания. По этой причине нередко можно встретить высказывания о значении именно практической науки или же применения арсенала прикладных методов исследования для установления признака новизны. Так, например, М.В. Байтеева отмечает: «Теория лишь обозначает право, дает наблюдать за тем, как мир стягивается в центр правового действия, но наблюдать само правовое действие, видеть и исследовать его развитие таким способом невозможно. Проблема создает обобщенность, «системность» описания правового действия, которая требует отстранения от него»¹. Опора на метод, его адекватное использование в исследовании сулит

многим научным дисциплинам выгоду, но все же еще в полной мере не гарантирует итоговый успех. Важное значение приобретает специфика применения методик других наук для изучения правовой реальности, а также разработка своего собственного методического обеспечения. В первом случае ссылки, к примеру, на методы социологии дадут возможность исследователю объективировать свои теоретические суждения и подкрепить их строгостью цифр. Сложнее юриспруденции рассчитывать на свою исследовательскую технологию, поскольку она все время возвращается к тем способам получения нового знания, которые прошли проверку в течение длительного периода использования в научной практике, а следовательно, не вызывают со стороны научного сообщества критики и признаются верифицируемыми. Можно, по-видимому, согласиться с мнением некоторых ученых, полагающих, что «многомерная социальность как сложная динамическая форма не схватывалась имеющимися познавательными средствами»². И более того: «возрастающая сложность мира требует более изощренных методов его изучения. Прямое сопоставление и «суммирование» данных разных дисциплин, которое может способствовать решению прикладных задач, при генерации фундаментального знания оказывается недостаточным»³. Действительно, методические ресурсы наук не безграничны, нуждаются в восполнении, однако для получения нового знания приходится изыскивать способы сочетания различных эмпирических методов или варианты их взаимодополнения.

В противном случае наука о праве может вновь констатировать, что «юристы, в большей мере отстаивая современные формы профессионального подхода в изучении права в юриспруденции, продолжают настаивать на традиционных формах и методах как в законодательной, так и в правоприменительной сферах. Связано это, конечно, в первую очередь еще и с тем, что в своей профессиональной деятельности юрист должен ориентироваться на законодательные и процессуальные проблемы, тогда как проблемы моральных или идеальных основ права выходят за пределы его юридического сознания»⁴. Традиционализм, какие бы формы в юриспруденции он ни приобрел, не является фактором, отягощающим поиск знания, обладающего явной новизной, и в таком виде он не нуждается в преодолении и вымещении

¹ Байтеева М.В. Проблемы методологии правового действия // Вопросы правоправедения. 2015. № 4. С. 107.

² Кемеров В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Российского философского общества. 2005. № 3. С. 27.

³ Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 4.

⁴ Кацапова И.А. Современные проблемы правоправедения в контексте социальной роли права // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1. С. 26.

из области познания. Но вместе с тем необходимо признать, что ракурс однотипного (или однолинейного) изучения права и правовой реальности или излишняя приверженность традиционным устоям не способны привести исследователя к тому новому знанию, которое будет подхвачено наукой и использовано в дальнейшем. К примеру, в социологии, ориентированной в большей степени на применение опросных методов, трудно не заметить не очень позитивную тенденцию последнего времени, связанную с подменой многоэтапного прикладного исследования, дающего осязаемые эвристические результаты, быстрыми срезами общественного мнения, достигаемыми опросными методиками. В юридической науке техника исследования на методическом, прежде всего, уровне должна быть выверенной и сочетающей количественные и качественные способы анализа права и правовой реальности. Но для того, чтобы исследователь-юрист чувствовал себя уверенным в строгости методики, он должен обеспечить и тщательную теоретико-методологическую проработку материала. К счастью, юристов можно отнести к той группе ученых, которые не отстаивают в своей научной области доминирование эмпирического начала, что, например, далеко не редко встречается в других отраслях знаний. Это обстоятельство позволяет рассчитывать на глубину теоретизирования в юриспруденции; в свою очередь, подкрепленное обоснованной методикой исследования, оно способно составить новизну исследовательского поиска и вывести ученого на должный уровень обобщения материала.

К слову сказать, место ученого в процессе освоения того или иного объекта реальности также является одним из ключевых факторов обеспечения новизны в юридической науке. С одной стороны, приверженность взглядам определенной исследовательской школы или целого научного направления может символизировать изначально новый результат исследования, скорее сформированный авторитетом самой этой школы. Но такой ход в науке все же не гарантирует в полной мере признания новизны и потребует от ученого дополнительных мер по обоснованию предлагаемых итогов исследовательского труда. Для юристов характерно распределение по самостоятельным «методологическим типам» естественников и позитивистов, цивилистов и криминалистов и т.д.

Данный факт не может не учитываться при оценке результатов исследований, но очень часто в последнее время проблема новизны особо остро обозначается именно в подходах узкой направленности или профильной специализации. «Обработка» одних и тех же правовых норм в разных исследованиях, например по уголовному праву часто происходит по накатанному пути — авторы работ критикуют существующие нормы с точки зрения их содержания, юридической техники, тонкостей

правоприменения и предлагают свои формулировки, уточняющие или отменяющие прежние. С позиции методологии науки, имеющей мощную философско-мировоззренческую подпитку, такое положение вещей является недостаточным: на обыденном уровне очень часто человек понимает, что норма «пробуксовывает» и, руководствуясь своим жизненным опытом, интуитивно полагает тот или иной ракурс ее корректировки. Подчеркиваю: на обыденном уровне.

В научном плане исследователь должен, разумеется, не только ощущать движение или передвижку норм, но ему необходимо измерять право на междисциплинарном уровне. Очевидно, что современная юридическая наука не исчерпывается нормативистским уклоном и должна занять достойное место в сотрудничестве различных наук и знаний. Так, например, подобное направление исследований, обладающее несомненной новизной и осуществленное как раз в междисциплинарном аспекте, продемонстрировала Е.В. Сазонникова⁵, избрав довольно сложный для правоведа методологический путь сочетания собственно нормативного и социокультурного подходов. Подобный пример показывает, сколько возможностей открывает для исследователя юриста перспектива междисциплинарного анализа. Мало сказать, что сама постановка проблемы в обозначенном ключе является нетривиальной, но и способ научного изыскания также позволяет надеяться на получение нового знания.

По крайней мере, выход за пределы типичного нормативного анализа уже сам по себе сулит исследователю совершенно новый взгляд на проблему, хотя и потребует от него приложения достаточных усилий и нередко научной смелости. В противном случае «формально-юридический» подход способен дать только внешнее, весьма поверхностное представление об изучаемых нормативных актах и институтах власти. Наглядный тому пример — принцип разделения властей, ставший у наших юристов и интеллигенции либерального толка едва ли не предметом религиозного поклонения⁶. Это обстоятельство иллюстрирует уязвимость позиции исследователя не только потому, что он вновь и вновь возвращается к власти как востребованному объекту изучения в юриспруденции, но и потому, что по-прежнему неуклонно остается на позициях формального или нормативистского подхода без оглядки на меняющиеся условия динамики науки. Безусловно, у данного направления есть важные преимущества, однако исследователь сначала должен обосновать отказ от междисци-

⁵ Сазонникова Е.В. Конституционное право и концепт «культура»: монография. Воронеж: Научная книга, 2011. 155 с.

⁶ Жуков В.Н. Законодательная социология (в начале пути) // Государство и право. 2011. № 3. С. 118.

плинарного анализа как не актуального для него, а уже затем продемонстрировать в очередной раз потенциал формального подхода. Иначе он, вероятнее всего, столкнется с главным вопросом о новизне предпринятого исследования. А так для любого юриста норма права — это символ, код, знак, текст, уводящие ученого в глубины, из которых ему выбраться в одиночку вряд ли возможно. Посильную помощь ему смогут оказать представители разных отраслей социогуманитарного знания — философы, социологи, религиоведы и другие. Это будет способствовать получению знания, обладающего новизной и, следовательно, эвристической ценностью. Справедливо, на наш взгляд, этот тезис применительно к характеристике основного закона государства изложил Н.В. Андрианов, полагавший, что «любая статья, любая норма Конституции — это своего рода вход в ее текст, но вход, уводящий в лабиринт других текстов, позволяющих пролить свет на происхождение данной нормы»⁷. Вопрос здесь лишь в том, насколько достанет исследователю сил и времени для проникновения в такие лабиринты и тайны изучаемого объекта. Длительные и многоступенчатые работы явно не пользуются сегодня популярностью в научной среде, равно как и сложные, предполагающие применение затратных методик и технологий.

Многое в определении новизны исследования, конечно, зависит и от самого субъекта познания, от его компетентности, точного следования канонам науки, от принадлежности конкретной школе или научному направлению и т.д. Дело оборачивается зачастую таким образом, что, как полагает И.И. Резвицкий, «в постнеклассической науке исчез из виду субъект как гносеологическая целостность, сосредоточенная в индивидуальном человеке. Он взят лишь как представитель научного сообщества, как продукт социальной коммуникации, носитель общих логических схем и механизмов мышления...»⁸. Очевидно, что такое положение исследователя сковывает его в полете мысли и серьезно обедняет его вклад в разрабатываемую тему, поскольку он оказывается под влиянием этих общих схем и механизмов мыслительной деятельности. В юридической науке ученому, пожалуй, как ни в какой иной социогуманитарной дисциплине, следует сохранять трезвость ума и пронизательность научного работника. Причиной этому является высокий риск социальных последствий за ошибку «в расчетах». Вместе с тем именно юрист оказывается и наиболее уязвимым в отстаивании своей позиции, так как может оказаться под прессом

власти, под влиянием напряженной социально-политической или же социально-экономической ситуации. Кроме того, важно преодолеть крен юридизации человеческой индивидуальной и коллективной жизнедеятельности, который очень часто сопутствует и начинающему, и даже опытному исследователю-юристу. На наш взгляд, юридизация (равно как, например, политизация или социологизация) приобретает статус нового знания, потому что исследователь выражает искреннюю убежденность в том, что абсолютно все сферы бытия человека могут быть подвергнуты правовому регулированию, значит, могут быть охвачены соответствующими юридическими нормами. Разумеется, что это не совсем так — лабиринты человека и его жизни являются неиссякаемым источником познания и, по видимому, не существует таких правовых норм, которые установили бы правила ментальности, гражданственности, духовной жизни человека. А между тем представители юридической науки утверждают: «Население нашей страны в своем большинстве обладает обыденным уровнем правосознания, для которого определяющим в настоящее время стал легистский нигилизм, при котором происходит как бы отторжение, отчуждение права от общества, а общество стремится обойтись без него»⁹. Излишняя инструментализация таких сложных феноменов, как, безусловно, является и правосознание, примеривание правосознания к повседневной жизни человека могут рассматриваться как некоторые из возможных аспектов юридической рефлексии, но они должны в любом случае соотноситься с онтологическими сущностными характеристиками бытия человека. В то же время совершенно справедливо замечает другой исследователь, полагая, что «при изучении права основное внимание уделяется регулятивным началам в жизни общества. Регулятивные начала появились в ходе самоорганизации человечества...» Однако общесоциальное и регулирующее воздействие права тесно связано с такими понятиями, как политическая культура, правовая политика, которые, в свою очередь, определяются национальной идентичностью»¹⁰.

Юридизация — это рефрен современных исследований, предпринимаемых в русле юридического познания реальности. Исследователю видится, что он полностью растворен в нормах права, что нормы права вокруг него и как будто собираются в стройные ряды и пронизывают на-

⁷ Андрианов Н.В. Конституция в свете коннотации // Государство и право. 2014. № 1. С. 20.

⁸ Резвицкий И.И. Роль индивидуального субъекта в современном научном познании // Философские науки. 2014. № 6. С. 74.

⁹ Баранов П.П. Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4. С. 12.

¹⁰ Мещерякова О.М. Глобализация права: философско-правовое осмысление // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 28.

сквозь череду будней человека. В этой метафоре есть продуктивный смысл: для полноты знания и утверждения его безоговорочной новизны исследователю действительно надлежит как можно полнее «прочувствовать» свой предмет изучения, однако такое погружение в проблему чревато казусом. Не замечая, что происходит вокруг и насколько продвинулись вперед общественные отношения, нуждающиеся в новых способах правовой регламентации, исследователь, по сути, не поспевает за ходом истории, а это, в свою очередь, делает его научную позицию малоубедительной.

Но юридикация — это, разумеется, не только дань моде на изучение норм и правил правового поведения; она затрагивает и такой неоднозначный вопрос, как привлекательность исследования. Здесь имеется в виду не эстетика или «красивость», а творческий и неординарный подход к изучаемому предмету. Многое зависит и от интереса исследователя, не от скрупулезности и педантизма, граничащих нередко с фанатизмом, а от неожиданного поворота в исследовании, от, возможно, сначала не замеченной детали, которая впоследствии обернулась по-настоящему ценной научной находкой. А пока и сами исследователи констатируют факт «монотонности» ученых-юристов даже в выборе объекта для изучения, т.е. на начальном этапе научного труда. Так, например, отмечается, что «безусловным центром постоянного интереса в планетарном масштабе в нынешнее время являются права и свободы человека»¹¹. Юристы, совершенно очевидно, не могут оказаться в стороне от такого положения вещей, поэтому количество публикаций и исследований правового статуса личности неуклонно возрастает. Конечно, это вовсе не значит, что подобный интерес исследователей не позволяет им сказать новое слово в науке по поводу сущности и гарантированности прав и свобод, однако новизна научной мысли, скорее всего, будет определяться междисциплинарным подходом к изучаемому объекту. Юридикацией проблемы вряд ли возможно будет ограничиться.

Вообще говоря, вечность тем в той или иной научной области поразительно неизбежна и особенно привлекательна как для начинающих, так и для опытных исследователей. Следует сказать, что почти каждая наука имеет в своем арсенале перечень таких вечных вопросов, к разрешению которых всякий раз стремится не одно поколение ученых. Но можно ли в этом случае полагаться на убедительность полученных результатов с точки зрения их новизны? Очевидно, что вечность тем в науке — это понятие относительное, иногда иллюзорное, надуманное, но нередко именно поэтому она становится столь притягательной для многих и многих научных деятелей. Между

тем, как нам кажется, имеет смысл обратить внимание на некую закономерность в выборе такой проблематики для дальнейшего исследования. В юридической науке она, как правило, имеет высокий шанс пройти сквозь рамки юридикации и, возможно, стать затем «золотым стандартом» правоведческой отрасли, на котором воспитываются новые ученые и проходят этап социализации в науке. В философии, например, обнаруживается другой момент: вечные темы рассматриваются как вечные ценности эпохи или человеческой культуры. Того философа, который вдруг пройдет мимо них и не заметит их существования, самого постигнет забвение и о никакой новизне уже речи быть не может. Пожалуй, только для наук междисциплинарного профиля вечные темы превращаются в уникальные и на этом основании могут претендовать на новый ракурс научного освещения. Так, например, «вечная тема для русской философии права — это тема особого пути России и его проекции на сферу права в контексте ее социокультурной уникальности»¹². В то же время такие дисциплины должны вместе с учеными, их представляющими, преодолевать определенные теоретические и методологические сложности, и этот процесс может приоткрыть новые возможности для исследования. Некоторые ученые это обстоятельство особо подчеркивают: «...существенная трудность, с которой сталкивается сейчас социологическое осмысление права, связана с тем, что в нынешний переломный для страны период теоретическая социология права должна опираться на две фундаментальные опоры — концепцию постсоциалистического развития российского общества, сформированную в рамках общей социологии, и адекватную ей концепцию правопонимания, разработанную в теории и философии права»¹³.

Итак, если подвести итоги, то можно выделить следующие возможности или критерии для определения научной новизны в исследованиях юридической направленности. Во-первых, необходимо придерживаться комплексного анализа правовых явлений или феноменов, который подразумевает установление междисциплинарных связей наук и знаний. Важно при этом отметить, что такого рода методологический «поворот» в науке не должен быть самоцелью, он должен дополнять исследовательские ресурсы юридической науки, а не подменять их. Во-вторых, исследователю-юристу важно преодолеть без каких-либо существенных потерь довлеющий над ним формально-юридический или нормативистский

¹¹ Осин В.Н. Общепринятые социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 50.

¹² Пржиленский В.И. Философия права в современной России: культурные, эпистемологические и дидактические контекстуализации // Философские науки. 2013. № 12. С. 32.

¹³ Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Часть 2 // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1. С. 11.

подход; речь, разумеется, не идет об отказе от данного методологического вектора исследования, однако возведение его в ранг основного мерила правоведаческого знания вряд ли обеспечит в целом новизну работе. В-третьих, сигналом новизны в юридической науке может послужить позиция самого исследователя, которая не должна ограничиться только лишь юридизацией конкретных общественных отношений, а, вне всякого сомнения, должна быть дополнена ценностной рефлексией и философско-мировоззренческим взглядом в сущность решаемого вопроса.

Список литературы

1. Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 3–12.
2. Андрианов Н.В. Конституция в свете коннотации // Государство и право. 2014. № 1. С. 17–26.
3. Байтеева М.В. Проблемы методологии правового действия // Вопросы правообразования. 2015. № 4. С. 91–110.
4. Баранов П.П. Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4. С. 7–14.
5. Жуков В.Н. Законодательная социология (в начале пути) // Государство и право. 2011. № 3. С. 116–118.
6. Кацапова И.А. Современные проблемы правообразования в контексте социальной роли права // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1. С. 24–31.
7. Кемеров В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Российского философского общества. 2005. № 3. С. 22–31.
8. Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Часть 2 // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 1. С. 9–18.
9. Мещерякова О.М. Глобализация права: философско-правовое осмысление // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2. С. 28–32.
10. Осин В.Н. Общепризнанные социальные ценности (свобода, право, права и свободы, государство) и правовой менталитет // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 46–56.
11. Пржиленский В.И. Философия права в современной России: культурные, эпистемологические и дидактические контекстуализации // Философские науки. 2013. № 12. С. 31–41.
12. Резвицкий И.И. Роль индивидуального субъекта в современном научном познании // Философские науки. 2014. № 6. С. 72–80.
13. Сазонникова Е.В. Конституционное право и концепт «культура»: монография. Воронеж: Научная книга, 2011. 155 с.

Some of the opportunities and the criteria for establishing novelty in modern legal studies

Popov E.A.,
 Doctor of Philosophy,
 Professor of the Department of History
 and Philosophy of the Barnaul Law Institute
 of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
 E-mail: popov.eug@yandex.ru

Abstract. *The article reveals the possibility of introducing a novelty in legal research. The emphasis is on the methodological specifics of the development of modern jurisprudence, which can significantly increase the novelty of the results of specific studies. Specified complexity and contradictions that arise among scientists in the process of obtaining new knowledge.*

Keywords: *science, law, researcher, novelty of research, sociohumanitarian knowledge, legal research, methodology of science.*

References

1. Aleksandrov Yu.I., Kirdina S.G. Tipi mentalnosti i institucionalnie matrici_ multidisciplinarnii podhod // Sociologicheskie issledovaniya. 2012. № 8. S. 3–12.
2. Andrianov N.V. Konstituciya v svete konnotacii // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 1. S. 17–26.
3. Baiteeva M.V. Problemi metodologii pravovogo deistviya // Voprosi pravovedeniya. 2015. № 4. S. 91–110.
4. Baranov P.P. Pozitivistskoe pravoponimanie v yuridicheskoi nauke praktike i povsednevnoi jizni sovremennoi Rossii // Rossiiskii jurnal pravovih issledovani. 2015. № 4. S. 7–14.
5. Jukov V.N. Zakonodatel'naya sociologiya v nachale puti // Gosudarstvo i pravo. 2011. № 3. S. 116–118.
6. Kacapova I.A. Sovremennie problemi pravovedeniya v kontekste socialnoi roli prava // Rossiiskii jurnal pravovih issledovani. 2015. № 1. S. 24–31.
7. Kemerov V.E. Menyayuschayasya rol socialnoi filosofii i civilizacionnie proekti // Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obschestva. 2005. № 3. S. 22–31.
8. Lapaeva V.V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivi rossiiskoi teorii prava i gosudarstva. Chast 2 // Rossiiskii jurnal pravovih issledovani. 2015. № 1. S. 9–18.
9. Mescheryakova O.M. Globalizaciya prava: filosofsko-pravovoe osmisenie // Rossiiskii jurnal pravovih issledovani. 2015. № 2. S. 28–32.
10. Osin V.N. Obshepriznannie socialnie cennosti (svoboda, pravo, prava i svobodi, gosudarstvo) i pravovoi mentalitet // Voprosi filosofii. 2012. № 9. S. 46–56.
11. Prjilenskii V.I. Filosofiya prava v sovremennoi Rossii: kulturnie, epistemologicheskie i didakticheskie kontekstualizacii // Filosofskie nauki. 2013. № 12. S. 31–41.
12. Rezvickii I.I. Rol individualnogo subekta v sovremennom nauchnom poznanii // Filosofskie nauki. 2014. № 6. S. 72–80.
13. Sazonnikova E.V. K onstitutionnoe pravo i koncept «kultura»: monografiya. Voronej: Nauchnaya kniga, 2011. 155 s.